

Царскому Величеству, прізови предъ себе сына твоего, и азъ тремя словами изьявлю, что онъ якоже рѣхъ, отъ мене преданная вся изучилъ, обаче отъ себе не знаетъ чтолібо. Прізану убо бывшу сыну Цареву, учитель проситъ Царя, да изволитъ положи перстень въ горсти своей держати, и сына своего вопросити. Что въ горсти руки своя сокровенно имѣеть? Чесому бывшу, сынъ Царевъ по наукѣ преданныхъ заповѣден, и правилъ художества, обрѣте, яко отецъ его, в руцѣхъ своей, заключенно держитъ нѣчто круглое и діру имущее. Сие егда онъ обрѣте, учитель рече: се О Царю, доселѣ хитрость, ей же азъ учихъ его протяжается, остася от своего си разсужденія нѣчто заключити. Чесоради, паки вопросы его, оное круглое, и діру имущее, что можетъ быти? О чемъ отъ отца своего вопрошенъ бывъ, долго во умѣ своемъ мяташеса, таже отрыгнуль глаголя, нічтоже иное можетъ быть о отче, развѣ камень мелничныи. Тогда учитель рече, сие есть произведеніе отъ ума сына твоего, которыи по хитрости убо, юже отъ мене получилъ, обрѣте вещь быти круглую, и діру имущую, удивительныя же ради разума, и разсужденія скудости, не могъ разсудити, яко камень мелничныи въ горсти руки укрятися не можетъ. (С. 370–371).

что моя наука была в совершенстве подавана; но у него к окончанию ее в голове нет. Призван был царевич и учитель просил царя, чтоб изволил в руке своей держать зажатой перстень. Спрошен был царев сын

по науке преданныхъ заповедей и правилъ таинства. Он и отвечал, что в руке царевой круглое и діру имущее: тогда учитель сказал: вот, Царю, хитрость, ей же его учил, остается в своей силе, но спросите теперь его разума, что он вам скажет, а на то он и отвечал, что конечно камень жерновой. Тут царь и познал глупость сына своего и более не стал обучать сих сокровенныхъ наук. (Н II, 98–100).

Ответом сына кончается фацеция в погодинском сборнике, Новиков продолжает свою «повесть» и, следуя Кантемиру, переходит к науке тыльсым, иллюстрируя ее действие двумя примерами из той же главы — рассказом о медном столпе, оберегавшем Константинополь от нашествия змей, и о стоявшем там же над городскими воротами мраморном истукане, которому по совету волхва была отсечена голова, что вызвало смерть осаждавшего столицу Византии болгарского князя Симеона, а с нею и прекращение боевых действий. Эти занимательные «волшебные» истории в какой-то мере, вероятно, подкрепили решение Новикова взять за основу не рукописную фацецию, а главу из «Книги система», подстроч-